

50 коп

№ 5

1926

МИР

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗДА-ВО
«П.П.СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8

Документ этот попал в руки профессора совершенно случайно.

Профессор жил на Солянке и ровно неделю назад решил вечером пойти прогуляться. Хотя была уже осень, но погода в Москве держалась теплая и сухая. Профессор шел медленно, с наслаждением, полной грудью, вдыхая воздух. Дойдя до Большого Ивановского переуллка, он повернул налево и вышел к Варваринскому скверу, и только начал подниматься к Лубянской площади, как увидел, что около сквера упал невероятной яркости метеорит. Падающие звезды в августе месяце — явление самое заурядное, и профессор, быть может, не обратил бы на это никакого внимания, но, подойдя к скверу, он услышал раздраженные, спорящие о чем-то голоса.

Подойдя еще ближе, он заметил двух дерущихся рабочих.

Один был высокий, худой, тонконогий; другой — маленький, толстый, с рыжими влохмаченными волосами. Левая щека у тонконового была в крови. Тонконогий ударял кулаками по голове толстяка, стараясь схватить его за волосы. Но толстяк, после каждого удара, отпрыгивал от него, как мяч, кружась вокруг и без всякого толка размахивая руками.

Увидев подошедшего к ним профессора, рабочие прекратили драку.

Толстяк заговорил первый:

— Послушайте, гражданин, — будьте свидетелем. Стою я здесь, закуришь собираюсь, и вдруг этот сумасшедший хлоп меня по уху... За что такая неожиданность?!

— Молчи, — закричал тонконогий, обращаясь, в свою очередь, к профессору. Не верьте ему, товарищ. Посмотрите, как искровянил он мне щеку... Иду я мимо него с работы, а он как вдарит меня камнем. Милицию позвать нужно...

— Не ударял я его камнем...

Профессор вспомнил об упавшем метеорите и ему все стало ясно. Эта невероятная случайность оказалась ему настолько забавной, что он улыбнулся. Виновником здесь оказался метеорит. Это он при падении контузил щеку тонконового

рабочего, а тому показалось, что ни в чем неповинный его товарищ бросил камень.

Стараясь помирить невольных врагов, профессор высказал им свои соображения.

Обыкновенно метеориты почти всегда целиком сгорают в атмосфере. Раз этот метеорит мог поранить щеку рабочего, то он, следовательно, не сгорел целиком, и часть его должна находиться где-нибудь по близости.

— Нужно непременно найти метеорит! — решил профессор и принялся за поиски.

Рабочие, пораженные и заинтересованные его объяснением, принялись ему помогать, совершенно забыв о своей недавней вражде.

Недалеко от них, на дорожке сквера, тонконогий заметил небольшую воронкообразную ямку, над которой струился голубоватый столбик света. Ямку начали расширять и откопали цилиндрический кусок черного металла, еще теплый и светящийся слабым голубоватым отблеском.

Александра Александровича поразило его вид, и он решил, что это не метеорит, а нечто другое. Но и тогда у него не возникло сомнения, что этот теплый кусочек метеорного железа попал на землю из другого мира.

Придя домой и тщательно его исследовав, профессор открыл в середине его уже известную нам записку.

Записка помещалась во втором, внутреннем цилиндре, сделанном из неизвестного ему розоватого металла, гибкого и эластичного, как резина. Этот металл при нагревании не накаливался, а, наоборот, охлаждался. Чем сильнее шло нагревание, тем ниже падала температура металла, и ярче становился струившийся от него голубоватый свет.

Александр Александрович понял, что пославшим эту записку хорошо известно нагревание падающих предметов в земной атмосфере. Этот неизвестный ему металл предохранял от сгорания записку, охлаждая в то же время верхний слой раскаленного при падении цилиндра...

Целую неделю профессор ломал себе голову, силясь разгадать смысл документа. Сегодня утром это стало ему понятным.

В коротеньком газетном извещении недавно открытой Таврической обсерватории сообщалось: „...вчера утром на небе наблюдался необыкновенной величины болид. Несмотря на солнечный свет, болид светился необыкновенно ярким голубоватым светом. По предположениям обсерватории, болид упал в Урмийское озеро.“

Для Александра Александровича не было теперь сомнения, что в Урмийское озеро упал не болид, а посланный жителями Луны, в ответ на нашу ракету, какой-то снаряд. А эта записка являлась предварительным предупреждением о посылке снаряда.

Расшифровать надпись на левой стороне документа после всего этого не составило особенного труда. Дальнейшее для профессора было ясно. Он решил немедленно ехать на Урмийское озеро и разыскать посланный с Луны снаряд.

В том же доме, где была квартира профессора, только этажом выше, снимал комнату молодой востоковед и инженер Берг.

Имя у него было редкое и, пожалуй, единственное в наше время—Путята. Благодаря такому нелепому несоответствию с его фамилией, оно почему-то навсегда запечатлевалось в памяти.

Путята Берг нигде не служил, но целыми днями бродил по городу в поисках места. Постоянные поиски места на первый взгляд казались совершенно непонятными: любое учреждение, в любой момент, согласно было взять Берга к себе на службу. Но все предлагаемые места не нравились самому Бергу, и он от них отказывался. Он искал такого места, которое дало бы ему целый ряд преимуществ, самых невероятных и опасных.

Профессор заметил двух дерущихся.

— Все обыкновенное и заурядное—чуждо моей натуре,—любил он отвечать на вопросы знакомых, удивлявшихся его постоянным отказам от выгодных служб. — Я ищу яркой и свободной жизни—только одно это может дать мне удовлетворение.

С профессором Берг был знаком и почти ежедневно встречался. Они вместе спускались или поднимались по лестнице, смотря по тому, уходили они из дома или возвращались домой. В это время они успевали пожать друг другу руки и перекинуться несколькими словами.

— Ну, как, еще не устроились?—обыкновенно начинал профессор.

— По обыкновению, нигде...

— Подождите, скоро наше Межпласо пошлет на Луну ракету с людьми, и тогда я вас устрою начальником лунной экспедиции.

— Прекрасно. Я согласен. Я органирую тогда товарищество по вывозу лунных сокровищ.

— Вам налево?

— Направо...

Когда с профессором произошло это невероятное происшествие и он решил ехать на Урмийское озеро, у него тотчас же явилась мысль пригласить с собою Берга.

— Берг—самый подходящий для меня человек...—решил профессор. Энергичен, смел, любит приключения и опасности. Лучше него мне, все равно, никого не найти.

На другой день, по обыкновению встретив Берга, входящего в парадную, профессор радостно улыбнулся, пожал ему руку и, по привычке, начал:

— Ну, как, еще не устроились?

— По обыкновению, нигде.

Но дальше разговор не был похож на обыкновенный, и на лице у Берга появилось удивление.

— Я нашел вам службу,

— Конечно, на Луне?

— Пока нет, но это безусловно связано с Луной...

— Дальше...

— Поедемте со мной на Урмийское озеро отыскивать один удивительный документ...

— На Урмийское озеро?.. Признаться, Александр Александрович,— вы едете отыскивать сокровища падишахов.

— Нет, то, что нам предстоит найти, ценнее всех сокровищ мира...

— Не злоупотребляйте моим любопытством.

— Это зависит от вас самих.

— В чем же тогда дело?

— Соглашайтесь, и тогда все узнаете.

— Согласен.

Войдя в свой кабинет и усадив Берга в кресло, Александр Александрович рассказал о невероятном с ним происшествии и, как доказательство, показал найденную в середине метеорита записку.

У Берга заблестели глаза.

Профессор показал найденную в метеорите записку...

— Это, прежде всего, не бумага и не ткань. Ничего подобного мне не случилось видеть до сих пор.

— Да, это безусловно служит доказательством неземного происхождения документа. Но вот, посмотрите-ка еще этот металл.

— Вам удалось расшифровать надпись?

— Да. Сверху, на одной линии слева направо изображены: Солнце, Меркурий, Венера, Луна и Земля. Пунктир от Луны (как раз от того места, где начинается кратер Коноп?) на большой рисунок внизу, где изображена восточная часть Земли,— путь посланного снаряда. Он кончается у продолговатого пятна, своими очертаниями напоминающего Урмийское озеро; второе пятно рядом—Каспийское море. Расшифровать надпись на левой стороне документа после всего этого оказалось чрезвычайно легко. Рисунки планет объяснили нам надписи над ними, и нам, таким образом, стало известно пять слов. Обратите внимание— в надписи слева встречаются те же буквы, что и над рисунками. Это целиком разрешает задачу. Вот что говорит эта надпись:

„последние селениты пришлют ответный подарок“.

Наступило продолжительное молчание.

Берг сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла. Взор его был устремлен куда-то в пространство, а на губах блуждала мечтательная улыбка. Профессор стоял перед ним, держа в руке записку. В таких позах они находились несколько минут. Вдруг Берг вскочил с кресла и встал против Александра Александровича, почти касаясь его своей грудью.

— Когда мы выезжаем?

— Сегодня вечером...

— Ваша система действий меня приводит в неистовый восторг. Я уверен, что нам удастся найти посланный с Луны снаряд. И тогда... тогда мы заставим мир признать давнишнюю истину, что на всех планетах живут разумные существа. Дайте мне вашу руку, профессор!!

II. У заведывающего Тавризской Обсерваторией.

— Здесь живет заведывающий обсерваторией?

Сторож перс, дремавший у ворот одноэтажного деревянного дома, открыл глаза и удивленно посмотрел на стоявшего перед ним молодого туриста. Потом он поднялся со скамейки и отрицательно покачал головой.

— Его фамилия Тер-Оганезов... — добавил молодой турист, но сторож вторично покачал головой.

— Ничего не пойму... — обратился молодой турист к своему спутнику, ожидавшему на середине улицы. Неужели мы перепутали адрес!

— Нет, адрес правильный... нужно еще кого-нибудь спросить — туземцы здесь удивительно бестолковы. Подождем...

— Ждать бесполезно: в эту пору все сидят дома...

Раскаленные голубоватые потоки солнечных лучей заливали всю улицу. Небо казалось расплавленным нежно-голубым стеклом. С двух сторон тянулись фруктовые сады, и в этой зеленой кайме пустынная улица дремала в ленивой истоме.

Сторож-перс уселся снова на скамейку, запахнул полы халата и закрыл глаза. Туристы в недоумении остановились посередине улицы. Это были — Берг и профессор Петров. Три недели назад они выехали из Москвы. По железной дороге доехали до Баку, а оттуда на пароходе до Астары. Из Астары на лошадях, через Сераб, они добрались, наконец, до Тавриза. Первый визит в Тавризе решено было сделать заведывающему тавризской обсерваторией, которого в настоящую минуту они и разыскивали.

Не найдя дома и находясь в недоумении, они хотели было возвратиться в гостинницу, но в конце улицы появился одинокий прохожий. Он вывел их из затруднительного положения.

— Вы как раз стоите перед домом ага-Уована.. — сказал он. Сам ага живет здесь, а обсерватория находится в конце улицы, за садами...

Ага-Уован был толстый, подвижной и очень любезный старик.

Когда прохожий скрылся за поворотом улицы, Берг обратился к сторожу персу.

— Что же ты нас морочишь? — ага-Уован живет в этом доме.

Сторож вскочил со скамейки, и вдруг улыбка расплылась по его лицу...

— Ага - Уован — хозяин, мы — сторож.

— Что же ты молчал раньше! Целых четверть часа мы по твоей вине стояли под солнечным душем... — рассердился профессор.

— Мы не поняли... Ага спрашивал агу-Обсерваторией.

— Бестолковый народ... — улыбнулся Берг.

— Веди нас к хозяину!!

Заведывающего обсерваторией все в городе называли просто ага-Уованом, и немудрено, что сторож не знал его фамилии.

Ага-Уован был толстый, подвижной и очень любезный старик. Он провел приезжих в кабинет, а когда узнал о цели их приезда — оставил у себя до позднего вечера.

Прежде всего он предложил в их распоряжение моторную лодку, что являлось здесь большой редкостью.

— Я думаю, что болид мог упасть лишь в северной части озера — высказал он свои предположения. К сожалению, я не могу сообщить точного места его падения, но мои знакомые из деревень, расположенных

в северной части озера, видели, что болид пролетел над их деревьями. В день падения болида в озере было волнение и стоял густой туман. Волны были настолько высоки, что залили берега на $\frac{1}{4}$ километра. В южной части озера тумана не было, и прошли только три большие волны, как во время прибоя. По моему мнению, искать болид бесполезно.—Озеро слишком велико...

После обеда ага-Уован повел своих гостей показывать обсерваторию.

Остановившись перед небольшим радио-приемником, он с чувством удовлетворения и гордости сказал:

— Мне удалось установить здесь даже небольшую радио-станцию. Признаюсь вам, что сделано это на личные средства. Вы говорите, что у вас есть карманные радио-аппараты. Прекрасно. Во время ваших исследований вы можете посылать мне радио-телеграммы, и я буду исполнять ваши поручения.

Возвратившись домой, он провел своих гостей опять в кабинет, где был приготовлен чай. После чая ага-Уован уселся в кресло против своих гостей и предложил им папиросы. Большой коричневый дог бесшумно вошел в кабинет и улегся у ног хозяина. Ага-Уован ласково погладил его по голове и улыбнулся.

— Я забыл вас познакомить с Гектором—это мой лучший друг. Мы перенесли с ним много опасностей. Я купил его еще щенком в Париже.

Разговор стал еще дружественней и незаметно перешел к Урмийскому озеру.

— Я давно изучаю это озеро... — закуривая новую папиросу,—говорил ага-Уован.—История его очень интересна. Древний персидский поэт Низари рассказывает в своей поэме „Сефер-Намэ“ (книга путешествий), прекрасную легенду. В 1219 году, когда монголы вторглись в Персию, пройдя затем через Кавказ в Россию, на одном из островов озера Тэле (так называли древние персы Урмийское озеро) персидские падишахи построили замок. В этом замке они

спаслись от беспощадных завоевателей. Туда были перевезены все сокровища из Тавриза. На башнях замка—как говорит легенда—Тридцать крылатых змеев охраняли сокровища падишахов, устрашая своим видом монголов, разбивших свои становища в долинах реки Джагату, впадающей в озеро Урмию. Монголы не решались разрушить этот замок, и он стоял неприступный и мрачный, отражаясь своими башнями в молчаливо-неподвижной воде соляного озера. Стоял до тех пор, пока время не обратило его в развалины. На каком из островов находился этот замок,—неизвестно. Это осталось тайной прошлого. Однако, говорят, что езиды знают это.

— Вы говорите, езиды... перебил его заинтересованный Берг. Я много слышал об этой секте, но ничего положительного не знаю...

— Боюсь, что не смогу удовлетворить вашего любопытства. Секта езидов держит в большой тайне свое учение. По крайней мере, до сих пор целиком их учение никому неизвестно. Езидов считают поклонниками шайтана и всячески преследуют. Раньше они собирались в своем храме около Мосула, но теперь скрываются в горах, вокруг северной части Урмийского озера. Последователи этой секты почти исключительно курды. Мне случалось бывать в езидских горных деревнях. Кое-что я слышал об их обрядах. Злой дух представляется езидам в виде птицы. Во время богослужений главный езидский жрец приносит воду в закрытом кувшине. Он читает свои заклинания, и вода в сосуде начинает кипеть. Тогда жрец убивает птицу и приносит ее в жертву. Присутствующие начинают при этом плясать и отряхивать рубашки. Во время этой дикой пляски они выкрикивают, что очистились от грехов....

Ага-Уован вдруг замолчал и погладил Гектора. Потом задумчиво произнес, медленно отчеканивая слова.

— С моим другом Гектором мы были свидетелями одной печальной истории...

— Расскажите...

— Около Мосула Гектор нашел раненого человека. Он оказался французским консулом. Консул попал в плен к езидам, но спустя два месяца бежал от них, захватив с собой один интересный документ. Консул остался жить в Мосуле, и это стоило ему жизни. Какой-то курд убил его на улице ударом кинжала; эта была месть езидов. Рукопись сохранилась у меня. Я перевел ее. К сожалению, это только маленький отрывок езидского миропонимания, но он весь пропитан причудливой восточной фантазией. Послушайте, что говорят езиды о своем происхождении:

„... Ничего не было в мире, кроме бесконечного океана. По середине его росло дерево. На этом дереве сидел аллах в виде птицы. Далеко, далеко от него, в другом конце океана, в розовом кусте, с прекрасными благоуханными цветами, жил шейх Синн (шайтан). Кроме дерева, розового куста, аллаха и шейха Синна ничего еще не существовало. И создал тогда аллах из своей славы архангела Гавриила, тоже в виде птицы. Сидели они однажды вдвоем на дереве.

— Кто я? — спросил аллах Гавриила.

— Ты—ты, а я—я,—ответил Гавриил.

Возмущенный таким ответом аллах плюнул Гавриила и прогнал с дерева.

Несколько веков летал Гавриил над океаном. И вот случайно он подлетел к розовому кусту, где жил шейх Синн. Гавриил рассказал ему обо всем и попросил совета.

— Хорошо, я помогу твоему горю...—согласился шейх Синн,—но только хорошенько запомни мои слова. Аллаху скажи: „Ты—создатель, а я только создание“.

Гавриил прилетел к алаху и сказал ему все, что научил шейх Синн, а также спросил аллаха, кто такой обитатель розового куста.

— Это—аль Уркани,—получил он ответ. Скоро он придет ко мне и признает мое могущество.

И вот аллах начал строить корабль. Когда корабль был готов, он поплыл на нем к шейху Синну.

— Все должны признать мое могущество, сказал он аль Уркани. Кто будет в силах сгустить воду и создать из нее землю,—тот и будет первым.

— Хорошо...—ответил шейх Синн,—давай устроим состязание.

Состязание началось. Сначала архангел плюнул в воду, потом шейх Синн. Но их попытки были безрезультатны. Когда же плюнул аллах, совершилось чудо. Из его плевка появилась твердь. В момент появления тверди в океане произошла буря; океан изрыгнул из себя тьму. Чтобы ее рассеять, аллах создал два солнца.

После этого аллах сказал своим спутникам:

— Земля создана — нужно теперь создать людей. Кто из вас хочет воплотиться в человека?

Согласился на это один только шейх Синн, но и то выговорил себе условие, чтобы человек жил в раю. Тогда аллах сделал смесь из воздуха, воды, земли и огня и заставил войти туда шейха Синна.

Первый человек жил в раю недолго. У него не было всех органов, которые имеются теперь у людей, и поэтому он мог принимать лишь известную, разрешенную аллахом пищу. Но однажды он забыл об этом и наелся пшеничных зерен. За свое ослушание он был изгнан из рая. Он был одинок, и аллах решил создать ему подругу. Из той же смеси он создал Еву. У Евы начали рождаться дети. Рождались они парами. Однажды Ева поспорила, кому больше принадлежат дети—ей или Адаму. Тогда они решили произвести опыт, и каждый взял отдельно свое семя. У Евы из семени вышли черви, а у Адама—прекрасный мальчик.

В злобе и зависти Ева переломала мальчику ноги, но он, несмотря на это, остался жить и вырос. Так как у него не было жены, то аллах послал ему гурию, и от этого брака произошли езиды“.

— Конец неожиданный—улыбнулся профессор.—Однако, нужно при-

знаться, что здесь порядочная мешанина из всех религий. Но убийство французского консула мне не нравится. Чего доброго, не пришлось бы нам встретиться с езидами. Вы не боитесь Берг?

— Это было бы любопытно..

Только поздно вечером Берг и профессор ушли от гостеприимного хозяина.

III. На Урмийском озере.

Дорога была узкая, прямая, каменистая. Яркое голубоватое солнце ослепительно сверкало на небе. Небольшая деревушка Ханагя, расположенная на берегу Урмийского озера, была окружена зеленым морем виноградников и миндальных деревьев. В раскаленных лучах солнца контуры ее расплывались и дрожали. Теплый западный ветер гнал по дороге поток одуряюще-сладковатого аромата сабзы (сухого винограда).

Со стороны Тавриза к деревне двигалась оригинальная процессия. Впереди, в белых шароварах, вышитых желтых куртках и ярко-пунцовых тюрбанах шли два курда. Сзади них на низкорослом коричневом ешаке (ослике) ехал профессор астрономии Петров. Ноги у него были поджаты и почти касались подбородка. Одной рукой профессор держался за ухо ешака, в другой сжимал бинюкль. Рядом с ним шел Берг.

Наши путешественники, под охраной двух проводников курдов, направлялись к деревушке Ханагя, чтобы отсюда на моторной лодке заняться розысками упавшего болида.

Лучшее время года на Урмийском озере—осень и весна. Осень начинается в октябре и кончается январем. Весна продолжается с марта до конца мая.

Южные болотистые берега на несколько верст покрыты белой пеленой кристаллизовавшейся соли. Летом, над этими раскаленными болотами, как над необозримыми пространствами расплавленного серебра, носятся густые иодистые испарения. Но, к счастью, лето не продолжается, а в остальное время года

здесь все цветет и благоухает. Климат теплый и ровный. Живописные деревушки вокруг озера сплошь тонут в цветах, виноградниках и миндальных садах.

За деревней Ханагя, на берегу озера, урмийским губернатором Шах-Наме была построена пристань. Шах жил в городе Урмии и для поездок в Тавриз завел себе три моторные лодки. На них он ездил по озеру от города Урмии до деревни Ханагя, а оттуда на лошадях до Тавриза. Этим он сокращал путь почти втрое, так как иначе пришлось бы ехать по единственной грунтовой дороге, извиляющейся вдоль озера по горным перевалам.

У этой пристани находилась и лодка Тавризской обсерватории. Курды перенесли в лодку продукты, оружие и запасы бензина. Берг пустил в ход мотор, и лодка начала быстро удаляться от берега, рассекая неподвижную темнозеленую воду.

Персы называют Урмийское озеро—морем. По своим размерам озеро, действительно, напоминает море. Оно тянется на протяжении 135 километров и достигает в некоторых местах ширины 46 километров.

Берг взял курс к противоположному берегу, на деревню Куши. Там решено было переночевать, а затем уже ехать надолго в северную часть озера.

Вокруг сверкал необъятный простор темно-изумрудной воды. Вода была неподвижная, тяжелая—застывшее стекло. Солнце начинало склоняться к западу. Чуть заметным розовым налетом покрывались появившиеся прозрачные облака.

— Какая своеобразная красота!—воскликнул Берг после долгого молчания.

— И тишина... — добавил профессор.

— Да, тишина прошлого, которое здесь как будто продолжает жить. Мне вспомнилась сейчас одна легенда об этом озере. В книге Зо-роастра—Авесте озеро Урмия называется Чайчашта. Там говорится, что оно подземными истоками соединилось с озером Воурукаша (Каспий-

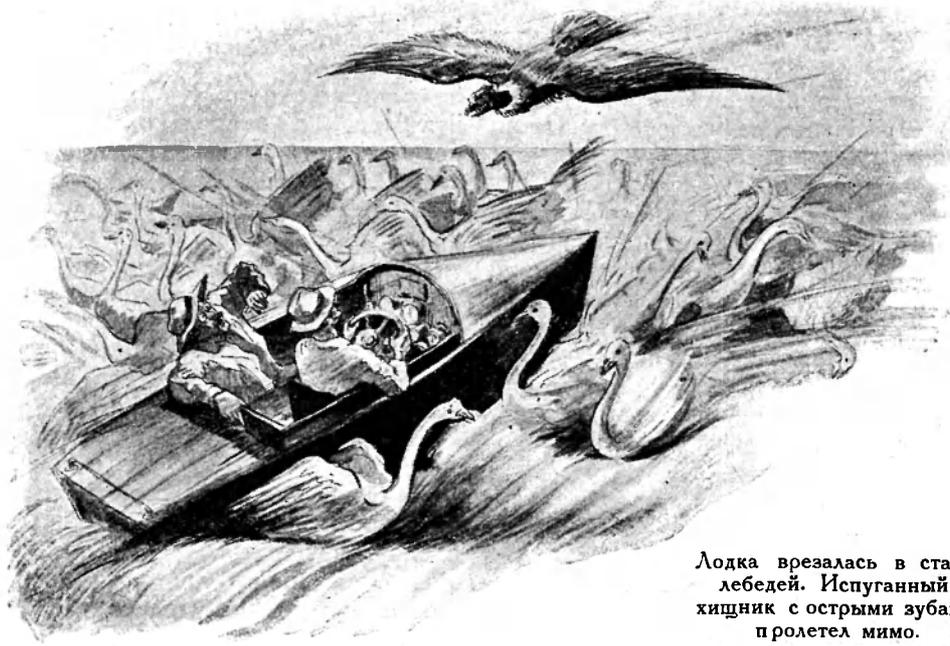
ским морем). Я склонен думать, что это вполне возможно. В глубокой древности Каспийское море, вероятно, сливалось с озером Урмия. Потом прошли века, и суша победила, отбросив море к теперешним границам. И вот, в этом углублении, как упоминание о прошлом, осталась часть Каспийского моря.

— Посмотрите, вода начинает принимать другой оттенок...

— Здесь это обычное явление. Несколько раз в день озеро меняет цвет. При сильном ветре оно становится совершенно черным.

встретила шумная толпа персов... Переночевав в деревне, они рано утром выехали снова на озеро. Профессор разработал план поисков. Он разбил северную часть озера на квадраты и решил исследовать каждый квадрат, делая отметки на карте. Глубина озера—незначительная, около 5-ти метров. При удивительной прозрачности воды было отчетливо видно дно. На это, главным образом, и рассчитывал профессор. В таких исследованиях дна прошло два дня.

На третий день они достигли высоты города Дильмана, с тем же

Лодка врезалась в стадо лебедей. Испуганный хищник с острыми зубами пролетел мимо.

— Я вижу фиолетовую полосу на западе.

— Это берег.

— Он еще очень далек. Расстояния здесь обманчиво.

Через 1¹/₂ часа моторная лодка приблизилась к берегу. Солнце уже скрывалось за горами, окрашивая в золотистый пурпур верхушки миндальных садов. Серые и коричневые граниты гор казались черными силуэтами.

Берг направил лодку в узенькую речку Вары-чай, у которой была расположена деревня. На берегу их

усердием продолжая работу. В полдень они неожиданно наткнулись на громадное стадо диких лебедей, спасающихся от какой-то хищной птицы. Стадо, в паническом ужасе, плыло прямо к лодке. Преследующий стадо хищник в это время стал опускаться и, сделав большой круг, повис над лебедями.

Лодка врезалась в стадо лебедей, и испуганный шумом хищник пролетел над лодкой. Клюв у него был открыт, и в нем ясно выступали острые зубы... Пролетев над лодкой, хищник мгновенно поднялся

вверх. Он с такой силой рассекал крыльями воздух, что был слышен легкий свист.

— Вот так экземпляр!—воскликнул Берг.

— Я отчетливо видел зубы...

— Птица с зубами! Кто бы мог ожидать...

Берг решил ее преследовать. Он повернул лодку и дал полный ход. Птица летела впереди, на расстоянии $\frac{1}{4}$ километра от лодки, направляясь на север. Инстинкт охотника опьянил Берга. Боясь, что птица исчезнет, он схватил ружье и выстрелил. Птица издала громкий крик и с невероятной быстротой стала исчезать вдаль.

— Что вы наделали!—накинулся на Берга профессор. По вашей вине мы потеряли этот редкий экземпляр. Птица исчезнет сейчас вон за этими горами. Увлечшись погоней, мы достигли северного берега.

— Что вы говорите?! — схватив бинокль, удивился Берг.

Несколько секунд он внимательно рассматривал светло-фиолетовую полосу впереди, протянутую над изумрудной, сверкающей водой.

— Это не берег, а остров,—передавая бинокль профессору, сказал он уверенно,—в этом нет никакого сомнения.

— Не может быть! На карте здесь нет никаких островов.

— Однако, это остров.

Они развернули карту. На ней, действительно, не было островов. Но это все-таки был остров. В этом не было теперь сомнения для профессора. Серые граниты окаймляли его берега, а за ними зеленели корчеватые кедры и пинии.

Лодка бешено неслась вперед, вспенивая носом воду. О ней забыли. Первый спохватился профессор.

— Остановите мотор! Мы разобьемся вдребезги...

— Ах, черт возьми!!

В последний момент Берг успел выключить мотор и повернул руль. Лодка, сделав крутой поворот, правым бортом срозмаха пристала к берегу.

— Что же мы будем теперь делать?—задал вопрос профессор.

— Мы привяжем лодку и пойдем исследовать остров. Быть может, мы увидим зубастую птицу, и я искуплю свой невольный грех. А, кроме того, болид ведь мог упасть и на остров...

— Вы правы. Здесь мы можем расположиться и на ночлег. Мне надоело ночевать в лодке.

Они взобрались на крутой скалистый берег и углубились в кедровый лес. Им удалось обойти лишь небольшую часть острова. Наступившая ночь заставила вернуться обратно. Около лодки на берегу они стали готовиться на ночлег...

Ночью Берг неожиданно проснулся от странного, неприятного чувства. Ему показалось, что кто-то пристально на него смотрит. Он открыл глаза и, не меняя позы, оглянулся вокруг. Чувство не обмануло его. В нескольких шагах от него стояла девочка. На вид ей было лет 12. Она была босиком, в большом белом платке, спускавшемся почти до самых ног. Взоры их встретились и Берг увидел, как девочка вздрогнула и бесшумно исчезла за стволами деревьев. Берг вскочил на ноги и протер глаза.

— Неужели мне все это почудилось?! Не может быть...

Рядом с ним спокойно спал профессор.

— Очень хорошо! Вместо дежурства профессор спит...—подумал он и вдруг вздрогнул.

Из леса до него донесся едва уловимый звук быстро удаляющихся шагов...

Все, что потом произошло, Бергу казалось сном. Он шел по лесу, прячась за стволами деревьев, пригибаясь к земле и иногда ложась на мягкий мох. Впереди мелькал силуэт девочки. Шла она легкой, бесшумной походкой, не оборачиваясь назад, точно скользая по воздуху. Сколько времени длилось преследование, Берг определить не мог. Два раза он терял ее из вида, но потом находил. Шел дальше, проходя поляны каменистые и покрытые низкорослой выжженной травой, обходя громадные камни, причудливо разукрашенные буро-красным светящимся мхом.

Шел и не знал, зачем он идет. Слышал только, как в этой торжественной тишине, исходящей как будто из глубины мертвого озера, билось его сердце.

У серых гранитных скал маленькая незнакомка неожиданно исчезла. Берг долго стоял, прислонившись к стволу дерева, и не мог понять, как это произошло. Потом подошел к скалам и увидел искусно замаскированный вход в пещеру.

Стараясь не производить шума, он осторожно заглянул в отверстие. Красноватый отблеск света дрожал на гладких гранитных стенах прохода. Почти у самого начала проход загибал вправо и, вероятно, упирался в пещеру, где горел огонь.

Берг стоял в нерешимости.

Вдруг он вздрогнул. Неожиданно чья-то рука коснулась его плеча. Он обернулся и встретил испытующий суровый взгляд старика курда, в белой вышитой куртке и белом тюрбане на голове. Почти сейчас же он почувствовал острую боль в голове и упал на траву, потеряв сознание.

IV. Приключение профессора астрономии.

Солнце медленно поднималось над озером, когда профессор открыл глаза. Сон мгновенно исчез. Удивление и растерянность отразились на его лице. Берга не было. Не было и моторной лодки... Смутное предчувствие какого-то несчастья ждало его сердце.

— Здесь что-то случилось... — подумал профессор. Но чем больше он думал, тем меньше понимал. И главной загадкой во всей этой истории было то, что от исчезновения Берга и лодки не осталось никаких следов. Как ни старался он их найти, не мог. Однако он был убежден, что Берг не мог никуда уйти, не предупредив его. Значит, оставалось только предположить одно: с Бергом случилось несчастье. Но куда девалась тогда моторная лодка? Если Берг уехал на ней, то шум мотора не мог не разбудить его, как бы крепко он ни спал.

Два дня потратил профессор в блужданиях по острову. Это не дало ему ничего нового. Никаких следов. Берг и лодка исчезли бесследно. Исчезло и первоначальное предположение, что остров обитаем и Берг сделался жертвой нападения. Ни одного живого существа не было на острове.

Следующий день только прибавил горя, так как кончались все продукты и нужно было серьезно подумать об их добычании.

На четвертый день профессору пришла мысль обойти берегом вокруг острова. Он решил не терять из вида озера, а, следовательно, и возможности заметить на нем лодку. Кроме этого он решил послать в Тавризскую обсерваторию радио-телеграмму и просить помощи. К счастью, у него остался карманный радио-аппарат. Вступив на остров, Берг определил его широту и долготу. Не сделай он этого, бесполезно было бы посылать радио-телеграмму; инструменты исчезли вместе с лодкой, а без них профессор не мог бы указать местонахождения острова. Обрадованный этой счастливой случайностью, профессор вынул радио-аппарат и послал телеграмму: „Случилось несчастье. Необходима немедленная помощь. Я нахожусь на острове, не указанном на карте, В. долгота 45, широта 45° 30' Профессор Петров“.

Берега были скалистые, и профессор пробирался по ним с трудом. Но он не унывал. К полудню он обошел половину острова и решил отдохнуть и позавтракать. У самой воды, в скалистом берегу, бил родник. Узкая прозрачная струя извивалась среди трещин скалы и падала прямо в озеро. Профессор обрадовался: жажда томила его с раннего утра.

С большими предосторожностями начал он спускаться по крутому берегу к роднику. Он уже предвкушал удовольствие напиться холодной, кристально-прозрачной воды, как вдруг у него из-под ног вылетели две громадные черные птицы. Они испуганно шарахнулись в сторону и исчезли за поворотом берега.

От неожиданности профессор вздрогнул и выпустил из рук фляжку, упавшую прямо в озеро.

— Опять зубастые птицы! — подумал он. Как жаль, что нет Берга; здесь, вероятно, их гнездо.

Но вместо гнезда профессор заметил у самой воды скрытый нависшими скалами большой грот. Оттуда и вылетели птицы. Позабыв об упавшей фляжке и о роднике, профессор спустился к самой воде и заглянул в отверстие грота. В зеленоватом полумраке тускло поблескивало громадное пространство воды. Гладкие влажные стены грота терялись во мраке.

У входа, вдоль стены, лежали плоские черные камни. Они образовали узкий барьер, окружавший полукольцом грот. По ним профессор проник внутрь грота.

Он сделал несколько шагов и вдруг остановился пораженный. В самом конце грота, где чернел квадратный вход в подземную галерею, стояла девочка. Она была в белом платье и белом платке и резко выделялась на темном фоне гранитов.

Вокруг, с глухим клекотом, летали зубастые птицы. Девочка бросала птицам куски мяса, и они, схватывая его, взлетали к потолку, ударяясь крыльями в каменные своды.

Профессор вблизи хорошо рассмотрел птиц. Оказалось, что вместо зубов у них были сплошные роговые пластинки, которые издали легко

было принять за зубы. Знакомый с орнитологией, он вспомнил, что таких птиц теперь нигде не водятся. В меловом периоде водились подобные птицы — чистики, и особый вид гагар, ведя свой род от птеродактилей. Неужели их потомки сохранились здесь, на необитаемом острове?

В левой части грота, на воде, поблескивая своей глянцевиной поверхностью, плавала какая-то темная громада, напоминающая своим видом исполинскую сигару. Птицы садились на нее. Пожирая свою добычу, они громко стучали клювами о ее металлическую поверхность.

Профессор сразу догадался, что это такое. Одновременно удивление, радость и недовольство на свою несообразительность, вспыхнули у него в мозгу. Мысли закружились в бешеном вихре.

— Ну, конечно, так это и должно быть! — подумал профессор. Она и должна плавать... Плавать, а не тонуть. Но кто бы мог ожидать, что она возвратится, именно она! Удивительно и непостижимо!

Давно уже скрылась в подземной галерее девочка, а профессор все еще продолжал стоять, прижавшись к стене грота.

Смутное предчувствие неудержимо влекло профессора последовать за незнакомкой. Безусловно между ней и исчезновением Берга существует какая-то связь. Нить найдена — нуж-

В подземной галерее стояла девочка в белом. Вокруг летали зубастые птицы...

но распутать теперь весь клубок! Нужно спешить!

Птицы, наконец, вылетели из грота. Наступила тишина. Безмолвно поблескивала изумрудно-сумеречная водная гладь, и с отрывистым, тугим звуком падали капли с влажных стен. Профессор осторожно пробрался по камням барьера в подземную галерею.

Почти у самого входа галерея заворачивала влево и шла под большим уклоном вниз. Скоро абсолютный мрак окружил профессора. Он пошел медленнее, все время нащупывая рукой стены и зажигая изредка спички. Галерея была ровная. Не было ни выбоин, ни трещин. Она извивалась то вправо, то влево, продолжая все время идти вниз. Это успокоило профессора и ослабило его внимание. Он пошел смелее, стараясь как можно реже зажигать спички. Но вдруг он почувствовал, что ноги его начинают скользить, не находя опоры. Чтобы не упасть, он хотел удержаться за стену...

Но стены не было, и профессор, не ожидая этого, широко раскинув руки, полетел куда-то в зловещую темноту.

V. В плену у езидов.

Берг очнулся в круглой пещере. Он лежал на ворохе сухой травы. Прямо перед ним, на красноватом квадратном камне, горел масляный светильник, освещая только небольшое пространство вокруг себя.

Берга томила жажда. Он хотел сделать движение рукой и почувствовал, что руки и ноги у него связаны. Однако он сделал усилие подняться и сел. Около камня неподвижно стояла девочка. Несмотря на мучительную головную боль, он сразу узнал в ней ту незнакомку, которую так неудачно преследовал.

— Я хочу пить...—сказал Берг.

Выйдя из-за камня и став на колени, девочка поднесла к его губам каменный кувшин с водой. Берг пил долго, не отрываясь. С каждым глотком он чувствовал, как восстанавливаются его силы. Утолив, наконец,

жажду, он поднял голову. Лицо девочки было близко от его лица. Огромные восточные глаза смотрели на него в упор с любопытством и настороженной, плохо скрываемой опаской.

Берг вздрогнул. Такой красоты ему нигде еще не приходилось видеть. Бледное детское лицо и пропасти уже не детских глаз. Изсиня-черные кудри выбились из под большого белого платка, накинутого на голову и окутывающего почти до ног ее стройный стан. Точно белые крылья лебедя...

С губ сорвался невольный вопрос:

— Кто ты?

— Я — Зубейда. Ты чувствуешь себя лучше—я рада. Я развяжу сейчас веревки.

— Ты не боишься меня?

— Нет.

Не поднимаясь с колен, она быстрым ударом ханджара (кинжала) перерезала веревки. Потом поднялась и отошла к камню. Берг тоже поднялся и подошел к Зубейде.

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Говори.

— Кто осмелился заманить меня в эту ловушку?

— Ты пришел сам и хотел узнать наши тайны. Мы были вынуждены...

— Кто вы?

— Этого ты не должен знать. Прощай, я приду вечером.

Став на колени, девочка поднесла к его губам кувшин с водой...

— Подожди, вспомни о власти шаха и о возмездии. Я требую немедленного освобождения. Передай это тем, кто осмеливается держать меня в заключении.

Зубейда улыбнулась и взмахнула два раза ханджаром. При каждом взмахе она говорила:

— Вот тебе—шах, вот тебе—сатрапами!

Лицо ее мгновенно изменилось, сделавшись хищным и злым. Зубы оскалились, как у маленького зверька в минуту опасности.

Берг бросился к ней, но она протянула навстречу ханджар. Его сталь засверкала зловещим, угрожающим блеском и остановила Берга. Он почувствовал неприятный, мучительный холодок в груди, около сердца.

В это мгновение отворилась маленькая кипарисная дверь, которую Берг только сейчас заметил в одной из стен пещеры. На пороге появился старик курд с ружьем в руке. Это ружье Берг мгновенно узнал. Оно принадлежало ему и лежало в моторной лодке. Неужели с профессором произошло несчастье?

Зубейда повернулась и вместе со стариком исчезла за дверью. Звякнула задвижка и гулко прозвучали удаляющиеся шаги.

Порыв бешенства овладел Бергом. Он подбежал к двери и принялся колотить в нее кулаками. Потом, поняв, что это бесполезно, взял светильник и подробно осмотрел всю пещеру. Везде был камень. Положение показалось Бергу безвыходным, и это, как ни странно, его сразу успокоило. Он поставил светильник обратно на камень и принялся ходить взад и вперед по пещере, обдумывая свое положение. По привычке он засунул руки в карманы и вдруг радостная улыбка мгновенно изменила его нахмуренное лицо...

В кармане лежал походный радио-аппарат с приспособлением для радио-телефона.

— Вот счастливая случайность! Они не осмотрели мои карманы.

Не теряя времени, он привел в действие радио-телефон и стал слушать. Несколько минут он безре-

зультатно ловил радио-волны, поворачивая приемник в разные стороны. Но вот мембрана телефона зазвучала.

До Берга донесся заглушенный разговор. Он различал мужской и женский голоса. Где-то, недалеко, находилась, вероятно, другая пещера.

— Мне его жаль, Моавия...—говорил женский голос, и Берг догадался, что он принадлежит Зубейде.

— Но что же тогда мы будем с ним делать? Не забывай, что второй чужестранец бродит где-то по острову. Если мы их оставим живыми, то они узнают все наши тайны...

— Возврати им лодку, и пусть они уезжают. Эти чужестранцы исследуют озеро, и наши тайны их не интересуют. Куда ты дел их лодку, Моавия?

— Она стоит в гроте, рядом с железным снарядом, упавшим с неба. Будь он проклят! Если мы отпустим иностранцев, все узнают о существовании нашего острова, и через несколько дней сюда приедут сарбазы.

— Ты прав, Моавия... Что же нам делать?

— Убить обоих... другого выхода нет.

Разговор прекратился и послышался звук запираемой двери. Берг понял, что его тюремщики куда-то ушли. Он сел на камень рядом со светильником и задумался. То, что он узнал, было для него большой и неожиданной новостью.

VI. Встреча, принесящая несчастье.

Падение для профессора оказалось счастливым. Упав с двухсаженной высоты, он получил только легкие ушибы. Вокруг был мрак. С тихим, настороженным звоном, где-то совсем близко струилась вода. Профессор встал на ноги и зажег спичку. Прямо перед ним темнело круглое подземное озеро. Озеро заполняло большую квадратную пещеру, от которой, теряясь во мраке, расходились несколько подземных каналов...

Спичка догорела. Профессор бросил ее. Красноватая искра метнулась в черном зеркале и стала падать в

бездонную глубину. Потом с шипением погасла, точно раздавленная хлынувшим сверху тяжелым мраком. Профессор зажег новую спичку.

Он стоял на узкой гряде камней, спускающихся к воде. Позади возвышалась двухсаженная гладкая стена. Подземная галерея, по которой он шел, оканчивалась здесь неожиданным обрывом.

Для профессора стало теперь ясным, что, идя в темноте по галерее, он пропустил какое-то ответвление, куда скрылась преследуемая им девочка. Нужно найти этот поворот, а для этого, прежде всего, выбраться отсюда. Это не составило особого труда. Профессор набрал камней и, сложив их около стены, взобрался по ним обратно в галерею.

Предположения его оказались правильными. В нескольких саженях от места его падения галерея сворачивала вправо, чего в темноте не заметил профессор. Горьким опытом наученный осторожности, он свернул в этот проход и начал медленно подвигаться вперед. Проход шел с небольшим подъемом. Боясь зажечь спичку, чтоб не выдать своего присутствия, профессор шел в темноте, ощупывая руками стены. Проход неожиданно повернул влево. Профессор почувствовал под ногами ступени лестницы и поднял голову. Лестница оканчивалась у входа в узкую галерею. Оттуда струился слабый красноватый свет...

В то время, как профессор блуждал в подземных галереях, Берг находился в своем заключении. Он ожидал прихода Зубейды. Она два раза в день приносила пищу и свежую воду, и по ее приходу Берг определял время. Но каково было изумление Берга, когда звякнул отодвинутый дверной засов, и, вместо Зубейды, с револьвером в руке вошел профессор...

Несколько мгновений оба не могли произнести ни слова. Первым пришел в себя Берг. Он бросился к профессору и принялся его обнимать. Когда порыв радости прошел, и они рассказали друг другу о сво-

На пороге появился старик курд с ружьем в руке...

их приключениях, профессор выработал план немедленных действий.

— Для меня все теперь понятно... — сказал он. Снаряд-ракета упал недалеко от острова. Живший на острове жрец секты езидов, боясь, чтобы не был открыт этот остров, спрятал его. Но открыть снаряд он конечно не мог — это было ему не по силам. Вместо него снаряд откром мы...

Профессор не окончил фразы. По коридору раздались осторожные шаги, неожиданно умолкнувшие у двери.

Берг схватил за руку профессора и прошептал:

— От радости я совсем забыл о своем тюремщике, — это его шаги. Скорей встаньте около двери, профессор, так, чтобы вас не было заметно. Я боюсь, чтобы открытый за-

сов не вызвал тревоги. Молчите... молчите...

Профессор только сейчас сообразил, какой опасности они подвергались. Тюремщик мог закрыть засов двери. И тогда... тогда вместо одного пленника будут два. Какая невероятная, чисто профессорская рассеянность!!

С лихорадочным вниманием они стали следить за дверью. Прошло несколько томительных минут, показавшихся им вечностью. За дверью не раздавалось ни одного звука. Не в силах больше выносить напряженного ожидания, Берг бросился к двери... Проклятие слетело с его губ, когда он обернулся к профессору.

— Дверь заперта!

Профессор вздрогнул и побледнел.

— Наша встреча принесла нам несчастье... — сказал он дрожащим голосом и в отчаянии сжал руками голову.

VII. Неожиданное спасение.

Время тянулось однообразно. Масло в светильнике давно выгорело и он погас. Наступившая темнота еще сильнее действовала на угнетенное состояние пленников. Пленники сидели теперь молча, отдаваясь своим невеселым думам.

По их предположениям, прошло два дня. Кипарисная дверь в стене больше не открывалась. Было ясно, что их оставили здесь на произвол судьбы. Что могло их ожидать? Мучительная, голодная смерть...

— Неужели мы умрем? — сказал Берг, скорее отвечая своим мыслям, чем спрашивая профессора. Какая нелепость! Умереть в тот момент, когда стоишь перед великим открытием, способным, может быть, всколыхнуть весь мир. Меня не страшит смерть, но ужасает бесцельность...

Профессор подошел к Бергу.

— Мой дорогой друг, никогда не следует впадать в отчаяние. Мы сделали все, что могли, и наши поиски не могут быть бесцельными. К тому же, предавшись отчаянию, вы забыли, что мной послана радиотелеграмма в Тавризскую обсерваторию...

— Но разве можно надеяться на помощь оттуда? Если даже они получат телеграмму, и найдут остров, то как они разыщут нашу тюрьму и нас самих?..

Профессор ничего не ответил, убежденный доводами.

Прошел еще день. Профессор так ослабел от голода, что все время лежал на ворохе сухой травы и молчал. Берг, как более молодой и выносливый, ходил еще взад и вперед по пещере. Тишина угнетала его и, чтобы услышать человеческую речь, он спросил профессора.

— О чем вы сейчас думаете?

— Я думаю, — прозвучал слабый голос профессора — сохранились ли в снаряде-ракетe самозаписывающие приборы. Я почему-то убежден, что селениты послали нам рукопись. Представьте себе, что график, составленный приборами, даст нам возможность проверить сообщения рукописи...

Профессор оказался истинным ученым. Даже в такой трагический момент он ставил интересы науки выше своих личных бедствий. Это мгновенно разогнало угнетенное состояние Берга, и весь день прошел в спокойных разговорах о снаряде-ракетe. Ночью Берг проснулся от острого шороха. Профессор стоял у двери и к чему то прислушивался.

Первое мгновение у Берга явилось подозрение, что его друг сошел с ума. Перенесенное волнение и голод были-бы достаточной причиной. Но профессор обернулся и окликнул его.

— Вы не спите, Берг?

— Что случилось?

— Я слышу шум многочисленных шагов и звуки выстрелов. Мне кажется, что пришло спасение...

Одним прыжком Берг очутился у двери. Профессор был прав. Бешеная радость охватила пленников. Они принялись руками и ногами колотить в дверь, призывая на помощь. Стук скоро был услышан, и дверь открылась.

С громким лаем ворвался в пещеру Гектор, а за ним, радостно улыбаясь, вошел Ага-Уован с дюжиной сарбазов.

— Вы живы и невредимы! — воскликнул он, обнимая пленников. Я так боялся, чтобы не запоздать... Нам бы ни за что не найти вас, если бы не помощь Гектора. Это он разыскал ваши следы и привел сюда.

Рядом с пещерой, где находились в заключении Берг и профессор, была вторая пещера. Пройдя по узкому корридору, в конце которого горел светильник, ага Уован остановился перед маленькой закрытой дверью.

эти езиды!.. Я чуть было не отправился к праотцам, профессор. Только находчивость этого сарбаза спасла меня от смерти. Когда мы ворвались в пещеру, на жертвеннике горел огонь. На огне висел большой глиняный сосуд с кипящей водой. Мы попали как раз к жертвоприношению. У жертвенника стоял жрец. В одной руке он держал черную птицу, а в другой сжимал кинжал. Около стены находилась только девочка-туземка—

Быстрым движением жрец отбросил крышку ящика. Оттуда вылетели черные птицы.

— Это езидский храм, — сказал он, открывая дверь. Посмотрите, какие древние рисунки.

Над дверью, на сером граните, были вырезаны пять кругов и две уродливые птицы. С правой стороны выступал рисунок змеи рядом с какими-то животными, а около них — факел, топор, большой птичий гребень и крест.

Пещера была огромная. Задняя стена терялась во мраке. Посередине стоял жертвенник, на котором еще тлели уголья. У жертвенника дежурил сарбаз.

— Ну, и наделали же нам хлопот

никого больше в пещере не было. Увидя нас, жрец вздрогнул и от неожиданности выпустил птицу. Я был впереди сарбазов, и жрец неожиданно с кинжалом бросился ко мне. Но я успел отскочить в сторону. Мой спаситель-сарбаз выхватил револьвер и навел его на жреца. Под зловеще поблескивающим дулом жрец остановился и опустил кинжал. Не сводя взгляда с сарбаза, жрец начал медленно пятиться к правой стене, где стоял большой черный ящик. Быстрым, неожиданным движением, он отбросил крышку ящика и отскочил в сторону. Из открытого ящика

с громким шумом вылетело несколько черных птиц. В паническом ужасе они стали носиться по пещере, опрокинули светильник и разбили сосуд с водой, заливший огонь жертвенника. Воспользовавшись темнотой, жрец вместе с девочкой куда то исчезли... Но эти проклятые птицы оказались с зубами. Посмотрите, как одна из них укусила меня за палец.

— Я хочу видеть солнце и возвращенный селенитами снаряд...— перебил рассказ профессор. Идемте, ага-Уован,—теперь наша очередь отблагодарить вас за спасение и посвятить в нашу тайну. Мы будем сейчас присутствовать при величайшем акте. Снаряд-ракета, посланный обсерваторией Лоуэлла на Луну—возвратился обратно на Землю и находится здесь на острове...

В тот же день с острова отплыли две моторные лодки. А еще через день телеграф разнес по всем странам невероятную новость о возвращении посланной на Луну ракеты, в которой была найдена рукопись селенитов.

Это сообщение произвело сенсацию и вызвало неистовый восторг. Внимание всего мира было теперь сосредоточено на Тавризе, где трудились над переводом рукописи селенитов два русских ученых — Берг и профессор Петров.

VIII. Рукопись селенитов.

Вот что говорилось в этой рукописи, написанной на отдельных листах голубоватой ткани.

...Мы, последние обитатели когда-то цветущей и прекрасной планеты, посылаем свой привет—эту рукопись. Мы сказали прекрасной потому, что предки наши жили еще в те времена, когда ваша планета была солнцем. Два Солнца озаряли начало нашей жизни: одно—яркое-голубое (солнце планетной системы), другое (ваша планета) сначала желтое, потом красное.

Цветущие равнины и благоуханные цветы покрывали когда то нашу планету. Разноцветные дни соткали на-

шу жизнь. Жизнь была прекрасна. Теперь планета мертва. Холод, смерть и черное небо окружают ее. И мы, последние звенья великого народа, достигши торжества разума — умираем. Но умирая, мы знаем теперь, что скоро ваши исследователи будут бродить здесь в мертвой тишине вечного забвения, среди неподвижных скал, безводных морей и угрюмых кратеров. От нашей прежней жизни там ничего не осталось. Мы давно ушли под землю, чтобы спастись от холода и отравленного воздуха. Давно, давно наших предков постигло ужасное бедствие: планета попала в хвост появившейся кометы. От этого столкновения исчезла атмосфера, Но мы не хотели умирать, не хотели быть игрушкой стихий, и пошли наперекор природе, создав новые города и новую жизнь. Под землей ищите следов прежней жизни и культуры.

...Только сейчас я узнал о смерти Окку. Весть эту послал мне Селз, хранитель кислородного питания. Я сидел неподвижно, глубоко задумавшись, как вдруг ощутил его мысль, влетевшую в мое помещение. Нас было всего шесть селенитов. Шесть живых существ среди необозримых мертвых городов! Теперь, со смертью Окку, осталось пять. Какая ужасная и незаменяемая утрата! Я подошел к отражателю поверхности планеты.

На черном небе, среди знакомых созвездий, висели огромные Небесные Часы (так мы называем вашу планету). До совпадения с меридианом нашей планеты на них не хватало 4°30'.

Ровно 12 часов тому назад Окку был жив. Он поразил нас посланной мыслью, утверждая, что теперь он убедился в существовании разумных существ на Небесных Часах.

Это нам показалось тогда абсурдом. Разве может, в самом деле, жить какое-либо разумное существо на такой нелепой планете? Ее со всех сторон покрывает толстый слой атмосферы. Мы мгновенно утонули бы в ней, как в самом глубоком океане. Кроме того Небесные Часы вращаются вокруг своей оси с невероят-

ной быстротой. В то время как у нас на планете пятнадцать последовательных дней Небесных Часов и такое же количество ночей составляют только одни сутки,—Небесные Часы обращаются вокруг своей оси в 24 часа. Мыслима ли жизнь на этой вертушке при 24-часовых сутках! Ведь мы прекрасно знаем, что живым существам невозможно удержаться посредине двух вращающихся элементов—атмосферы и твердой части планеты. Возможно ли при таких условиях предполагать существование живых существ?

Но Окку нам возразил, что ему наши утверждения кажутся теперь такой же нелепостью, как нам—его.

Что такое живое существо? Ни больше, ни меньше, как непрерывное изменение атомических форм в зависимости от условий окружающей среды. Почему же тогда не существовать разумным существам Небесных Часов?!

Окку передал это с большой иронией. Затем он напомнил нам, что мы забыли, чем мы были раньше сами и кем стали теперь. Ведь наши предки, имея смешные и ненужные органы, давно исчезнувшие у нас, жили тоже в атмосфере. Однако,—добавил Окку—я не передал вам самого главного. Сегодня я долго наблюдал Небесные Часы. Они были обращены ко мне своей восточной частью. По узкому, длинному материку вилась белая извилистая линия гор, напоминающая цепь гор на нашей планете. Этот хорошо знакомый нам материк, как бы перетянутый посередине, был окружен зелеными пятнами—океанами Небесных Часов.

На этом материке меня поразило странное явление, никогда невиданное мною прежде. Произошла яркая вспышка света, и какой то темный предмет, отделясь от поверхности материка, помчался к нашей планете. Около этого материка проходила как раз неизменная линия тени—граница дня и ночи Небесных Часов. На фоне этой черной тени вспышка света и сам несущийся предмет казались особенно отчетливыми. По моим вычислениям, он через две-

надцать часов долетит до нас. Я утверждаю, что этот предмет послан к нам разумными существами Небесных Часов.

И вот сейчас я вспомнил эти последние мысли умершего Окку. Не знаю почему, но у меня сейчас же явилось предчувствие, что этот поразивший Окку предмет явился причиной его смерти.

Однако мне нужно было спешить к главному входу. Я поместился в движущемся со скоростью мысли аппарате, заменяющем нам исчезнувшие органы передвижения. Своей мыслью я привел в действие механизм.

Я прибыл последним. Сэлэ и трое других моих друзей ожидали меня.

Жуткая картина разрушения поразила меня. Мои недавние предчувствия оказались верными. Оторвавшись от Небесных Часов, в кратер Коноп, через который наши подземные города сообщались с поверхностью планеты, упал черный кусок металла. Он разбил все наши сооружения, защищающие подземные города от холода на поверхности и лежал теперь на каменном полу, разрушив часть свода и сплющив своей тяжестью наши кислородные двигатели. Одним из многочисленных осколков камня был убит Окку. Он лежал неподвижно на каменном полу. Глаза его были закрыты. В гладком, сероватом черепе, около того места, где у нас помещались органы питания мозга, торчал острый кусок камня. В разбитое отверстие кратера виднелось черное небо. На нем сверкало солнце и звезды. Был день. Острый режущий холод широкой струей врвался в отверстие.

Мы начали обмениваться мыслями. Для всех нас было ясно, что смерть Окку может быть и нашей смертью. Мы не в силах в короткий срок исправить гигантские разрушения и пустить в ход кислородные двигатели. Единственно, что нужно нам для поддержания жизни — кислород. Если его не будет, наш мозг, являющийся всем нашим организмом, умрет. Предполагали ли обитатели Небес-

ных Часов, что их подарок будет нашей смертью?

Из всех наших проектов нам казался более выполнимым проект Инга. Инг утверждал, что у нас слишком мало времени для каких-либо серьезных сооружений. Однако, мы должны послать ответный подарок разумным существам Небесных Часов.

Посланный ими прибор остался невредимым, к тому же в нем находятся достаточные запасы взрывчатых веществ, приводящих его в движение. Мы пустим его обратно на Небесные Часы. А до этого мы должны послать предупреждение, чтобы существа Небесных Часов могли его встретить.

Прошло трое наших суток. Инг окончил, наконец, свое изобретение—маленький металлический снаряд для предупреждения обитателей Небесных Часов. Записывающие мысли приборы окончили нашу записку, над которой мы долго думали, чтобы она была понятной.

Судя по изобретению существ Небесных Часов, мы заключили, что они находятся еще на низком уровне развития. Условия их жизни настолько разнятся от наших, что всего все равно они не в силах понять. Но, несмотря на это, существа Небесных Часов—родственны нам так же, как родственны наши далекие предки, отличавшиеся от нас своим видом и своей жизнью. Но природа Разума единообразна. Сущность мыслящего существа одна и та же на планетах...

Сегодня мы пошлем изобретение Инга, а вслед за ним через мировое пространство помчится обратно и подарок обитателей Небесных Часов, принесший нам смерть. Мы направим его в одно из морей повернувшихся в это время восточной частью Небесных Часов. Эта идея принадлежит Сэлэ. Он утверждает, что безопаснее всего пустить этот подарок в какое-нибудь море, чтобы не разрушить городов Небесных Часов.

Наши машины поставили прибор обитателей Небесных Часов в вертикальное положение и исправили внутренние повреждения. Осталось только привести в действие электровоспламенители и произвести взрыв.

Я оканчиваю сейчас эту рукопись, и мне представляется пройденная нами необозримая дорога жизни. Какая разница между нами, достигшими торжества развития, и теми простейшими существами, от которых мы произошли! От физического сходства не осталось следа. Все ненужное, порабощающее разум—исчезло. Остался один торжествующий, познающий мозг, как более совершенная форма материи. Он заменил нам все органы. Наши мысли управляли всем. Витая вокруг нас, они переходили в энергию, а последняя привела в действие наши двигатели...

Но теперь наши мысли получили свободу. Они вырвались из разрушенного отверстия на поверхность мертвой планеты. И я знаю, что их энергия создаст новую жизнь, и эта новая жизнь будет развиваться в неведомых условиях и формах. Закон жизни сильнее нас. Напрасно мы старались довести наше развитие до конца, когда должен был естественно совершиться переход нашего организма в какую-то неведомую мыслящую энергию. Напрасно мы перерабатывали наши мысли, обращая их снова в материю, чтобы быть единственными живыми существамж.

Сегодня мы все вместе выйдем на поверхность планеты, послав миру последний привет. И, умирая, мы благословим жизнь, прекрасную даже в своей жестокости уничтожения. Творящую великие чудеса в своем стремлении создать все более и более совершенные формы. Нам понятны теперь ее законы. И нет большей радости, чем радость познания и слияния с жизнью.

Да здравствует жизнь, пославшая нам смерть!

